

стве, далее приведя в подтверждение этой идеи примеры из Ветхого закона, Иосиф Волоцкий повторяет вслед за Златоустом: «не естество бо вещем, но божии судове добра и зла сия быти творят».⁴⁰

Смысъл этого обобщения в том, что личность(субъект), среда, вообще «естество вещей» не являются основой, почвой нравственных явлений. Таковы не субстанциональны, не имеют естественного источника. Их источник сверхъестественный, а именно — божественная воля, которая вносит в область нравственного бескачественное само по себе значение добра или же зла. Отсюда логически безупрочное следствие: «Да навыкнеши, яко, богу повелевающю, не достоит испытывать естества бываемых, но повиноватися точию»,⁴¹ т. е. усвой же, что не подобает исследовать природы бываемого (совершающегося), повеленного Богом, но только повиноваться.

Все это и есть философия «божьего суда». Она стоит в неразрывной связи со средневеково-богословским отрицанием нравственной свободы (самовластия) человека. Не чем иным, как вариантом тезиса Иоанна Златоуста: не «естество бо вещем, но божии судове добра и зла быти творят» — является формула Ермолая-Еразма: «ни в чесом бо у себе человеческое существо не самовластно, ни самодейственно, ни самосильно, но по божией воли связано плотию, жилами и костями».⁴²

Но из этого следует, что безотносительно к желанию самих правящих феодальных кругов их судебные нововведения с перевесом внимания в сторону следственного процесса идеологически означали «испытание естества бываемых». Побуждаемые действительностью, ростом и взрывами классовых противоречий, правящие феодальные круги оказывались вынужденными в практике своей руководиться тем принципом, что именно «естество бо вещем», а не «божия судове» определяют значение нравственных явлений в качестве «добра» или же «зла».

Следственный процесс предполагает в качестве теоретической основы утверждение самовластия, нравственной свободы и потому личной ответственности человека, но эту идею выдвигали антифеодальные еретические движения, преследовавшие всеми кругами господствующего класса. Отсюда половинчатость, незавершенность, феодально-классовая ограниченность правовых идей, характеризующая Судебники 1497 и 1550 гг.

Как бы то ни было, но в силу указанных обстоятельств судебные нововведения конца XV—первой половины XVI в. означали определенный сдвиг в сторону секуляризации и рационализирования правовой мысли.

Церковь цеплялась за старые нормы суда именно потому, что боролась против секуляризации установившихся институтов господства, тем более против любой заявки личности на собственное значение и права, против естественных и законных требований, пробуждавшегося разума и просвещения.

Она была по-своему права. Еще не был введен Судебник 1497 г. с его новыми идеями, заменявшими понятие «обиды» как личного ущерба понятием «лихого дела» как ущерба государственного, а в русском обществе уже раздавались голоса, противопоставлявшие феодально-государственному закону конкретную правду человеческого «разума и души». Так мы понимаем комментирование неизвестным писцом конца XV в. текста из книги Левит, когда в стихе (XIV, 15) «по правде (этому в еврейском тексте со-

⁴⁰ Там же

⁴¹ Там же

⁴² Слово о божием сотворении тричастнем — ЧОИДР, 1880, кн IV, стр 67